

ТИПЫ ДЕФИНИЦИЙ КАТЕГОРИИ ВИДА: ШКОЛЫ И НАПРАВЛЕНИЯ

Е. И. Семиколенова

В статье предлагается систематизация существующих определений категории вида, при этом учитываются традиции как русской, украинской, так и европейской аспектологических школ.

Ключевые слова: дефиниция, глагол, категория вида, характер протекания глагольного действия, совершенный / несовершенный вид

У статті запропоновано систематизація існуючих визначень категорії виду, враховуються традиції російської, української та європейської аспектологічних шкіл.

Ключові слова: дефініція, дієслово, категорія виду, характер протікання дієслівної дії, доконаний / недоконаний вид

The paper presents the systematization of the existing definitions of the aspect of the verb; Russian, Ukrainian and European traditions are taken into account.

Key words: definition, verb, aspect, the type of the verb action process, perfective aspect / imperfective aspect

В аспектологии существуют десятки различных определений сущности вида как категории. Но общепринятого определения до сих пор нет. Это наиболее трудная и спорная проблема, которая прежде всего нуждается в однозначном решении [25, с. 213].

Цель работы: систематизировать существующие дефиниции вида, выявить причины расхождений в подходах разных авторов и школ при определении вида как категории.

Анализ дефиниций вида, представленный в академических грамматиках, лингвистических словарях, вузовских учебниках, научных монографиях, показал, что в широком смысле существует по крайней мере два подхода к этой проблеме: это традиция русской и традиция европейской аспектологических школ.

Для русского языкознания при изучении вида глагола характерен исторический подход. К историческому аспекту этой проблемы обращались многие русские лингвисты в XIX веке (Г.П. Павский, К.С. Аксаков, Н.П. Некрасов, Л.П. Размусен, А.А. Потебня и др.) [1; 14; 15; 17; 18]. В этом плане особый интерес представляют научные взгляды А.А. Потебни [17]. Опираясь на уже сложившуюся в русской аспектологии традицию (в первую очередь на работы Г.П. Павского [15]), А.А. Потебня неоднократно указывал на важность учета исторического подхода к изучению вида: «Система видов должна быть не описанием, а историей их происхождения» [17, с. 88]. По мнению ученого, «путаница в понятиях о виде, на которую издавна и до сих пор жалуются, происходит не столько от неполноты наблюдений современного языка, а от недостатка обыкновенной или, что то же, *исторической* точки зрения, с которой можно бы было усмотреть *постепенность и порядок в наслоении значений, называемых видами*» (выделено нами. – Е.С.) [17, с.7].

Развивая идеи Г.П. Павского, А.А. Потебня, «задолго до Р. Якобсона и В. Порцига», показал наличие двойного рода различий в пределах того, что называется глагольным видом: «Совершенство и несовершенство, с одной стороны, и степени длительности – с другой, не составляют одного ряда (continuum), но относятся друг к другу как два различные порядка наслоений в языке» [17, с. 35].

Наслоения, характеризующиеся как видовые, появлялись в языке постепенно, на определенных этапах его развития (Ср., например, у В.В. Иванова: «Эти древние видовые различия являлись в древнерусском языке наследием прошлых эпох, развившись, вероятно, еще в общиндоевропейский период» [8, с. 344]).

Наиболее древним оттенком различия лингвисты русской и украинской школ считают степень длительности действия: «Вид есть степень продолженности времени, заполняемого действием или состоянием» [17, с. 87]. «Совершенство или несовершенство глаголов» стала отражаться в языке позже, чем оттенок длительности действия, и, хотя оба оттенка тесно связаны с видами, их не следует отождествлять» [17, с. 86].

Эта идея Г.П. Павского, К.С. Аксакова, А.А. Потебни в дальнейшем повторяется почти дословно. Например, в «Исторической грамматике русского языка» В.В. Иванов пишет: «Различие по длительности и недлительности, длительности и мгновенности иногда может совпадать с различием совершенности и несовершенности... Это объясняется тем, что здесь действуют различные принципы противопоставления и действие может быть законченным и одновременно длительным» [8, с. 343-344].

Следовательно, так сложилось исторически, что содержание категории вида не может быть сведено к какому-либо одному значению, ибо «в современной системе видовых корреляций обнаруживаются два грамматических слоя, соответствующих разным стадиям в истории грамматического строя русского языка» [2, с. 398].

В целом для русской аспектологической традиции XIX-XX века характерно осмысление и развитие идей о природе категории вида в ее отношении к категории степени длительности действия. Но интерпретировался этот компонент значения по-разному. Одни лингвисты определяли степень длительности

через качество действия: «Все эти формы – формы одного и того же глагола, но формы не времени, а качества действия: понятие же о времени... есть выводное из качества действия...» [1, с. 417]. Другие – через время, которое затрачено на осуществление действия: «Категория вида обозначает, как протекает во времени или как распространяется во времени тот процесс, который обозначен в основе глагола» [16, с. 122].

Дефиниции, в которых за основу берется концепция русской лингвистической школы, характерны в первую очередь для работ по истории языка. Например, в «Исторической грамматике русского языка» В.В.Иванов отмечает: «... исконно и в течение долгого времени в славянских языках существовали структурно оформленные видовые категории, определяющие протекание действия во времени» [8, с. 345].

Эта традиция находит отражение в работах Ю.С.Маслова, Л.Л.Буланина, М.А.Шелякина и других, в которых дефиниция А.М.Пешковского воспроизводится дословно или почти дословно. Например, Ю.С.Маслов в учебнике «Введение в языкознание» (1987) определяет вид как категорию, в которой противопоставляются друг другу «разные типы протекания и распределения действия во времени» [12, с.162].

М.А.Шелякин в учебнике «Современный русский язык» отмечает: «... специфический характер значений категории вида: они показывают особые различия в самом протекании действия в его «внутреннем времени» – как бы характеризуют способ распределения действия во времени» [11, с. 134].

Дефиниции с опорой на характер протекания глагольного действия свойственны многим современным толковым и лингвистическим словарям и справочникам. Например, в «Словаре русского языка» вид определяется как «грамматическая категория в некоторых языках, например в русском языке, обозначающая характер протекания глагольного действия» [20, с. 173]. В «Кратком справочнике по современному русскому языку» – как «морфологическая несловоизменяемая категория глагола, ... служащая для обозначения различий в характере протекания действия» [10, с.193].

Как развитие этой концепции может быть рассмотрено и понимание семантического содержания вида, предлагаемое в работе А.А.Зализняк и А.Д.Шмелева: «Вид является семантически наполненной категорией. Это означает, что выбор вида может нести определенную семантическую нагрузку, тем или иным образом характеризуя способ существования ситуации во времени» [6, с.11].

В отличие от ученых русской аспектологической школы, западноевропейские лингвисты наблюдали вид как бы «по уже имеющимся результатам», т.е. как уже сформировавшуюся категорию, выраженную противопоставлением глаголов совершенного и несовершенного вида. Фердинанд де Соссюр, анализируя вопрос о значении категории вида в славянском глаголе, отмечал: «Славянские языки последовательно различают в глаголе два вида: совершенный вид представляет действие в его завершенности как некую точку, вне всякого становления, несовершенный вид – действие в процессе совершения и на линии времени» [22, с. 149].

Наблюдая вид на синхронном уровне, т.е. представляя глагольный вид как уже сформировавшуюся категорию, без экскурса в историю, лингвисты определяли его через значение совершенного и несовершенного вида.

Это учение развивалось и в работах «русских лингвистов французской школы». Прежде всего, в работах С.И. Карцевского. Так, в предисловии к «Грамматике», вышедшей в Праге в 1925 году, ученый подчеркивал, «что он не сторонник формально-грамматического направления, что он идет по пути Ф.де Соссюра, Ш. Балли, А. Сэше и А.А. Шахматова» [9, с. 10]. Трудность, по мнению автора, состоит в том, чтобы осветить лингвистические проблемы «с точки зрения статической (синхронии), стараясь не отклоняться в историю языка для объяснения фактов современного состояния» [9, с. 149]. Все работы о русском глаголе написаны С.И. Карцевским в традициях Женевской лингвистической школы. Рассматривая глагол как систему в синхронии [9, с. 13], автор определяет вид следующим образом: «Видов в русском языке два: перфективный и имперфективный, соответственно способности русской лингвистической мысли представлять себе действие либо «сведенным к точке во времени», либо «развернутым» во времени» [9, с. 326].

Именно в работах этого направления впервые начинает употребляться термин «предел», «действие, ограниченное временным пределом» и т.п., так как, по мнению лингвистов, в понятии совершенного вида основным признаком является признак предела действия, достижения цели, признак ограничения или устранения представления о длительности действия [2, с.393].

Позицию этой лингвистической школы поддержал и развил В.В. Виноградов: «...основная функция совершенного вида – ограничение или устранение представления о длительности действия, сосредоточение внимания на одном из моментов процесса как его пределе. Обозначение действия в его течении, не стесненным мыслью о пределе процесса в целом, – основное, общее значение несовершенного вида» [2, с. 394].

Именно под влиянием работ и авторитета В.В. Виноградова в русской лингвистике XX века достаточно распространенной становится теория, привнесенная представителями западноевропейской, соссюровской, школы, в соответствии с которой как видовые рассматриваются только оттенки совершенности и несовершенности действия.

В русле этой традиции определяется категория вида во всех описательно-нормативных грамматиках русского языка. Например, в «Грамматике русского языка» (автор раздела – Е.С. Истрина): «Категория вида обозначает, что действие, выраженное глаголом, представляется: а) в его течении, в процессе совершения, а тем самым в длительности или повторяемости, напр...., б) как ограниченное, сосредоточенное в каком-либо пределе совершения, будет ли то момент возникновения, начала действия или же момент его завершения, его результат [4, с. 424], в «Русской грамматике» (автор раздела – Н.С. Авилова): «Категория вида – это система противопоставленных друг другу рядов форм глаголов: ряда форм глаголов, обозначающих ограниченное пределом целостное действие (глаголы СВ), и ряда форм глаголов, не обладающих признаком ограниченного пределом целостного действия (глаголы НСВ). Ограничение действия пределом означает ограничение действия абстрактным, внутренним пределом, представляющим действие как целостный акт, в отличие от представления действия как процесса в его длительности или повторяемости» [19, с. 583]. См. также «Граматику современного русского литературного языка» [5, с. 337].

Полностью разделяет эту концепцию А.Н. Тихонов: «Категория вида обозначает отношение действия к внутреннему пределу». [24, с. 162; 23, с. 10-15].

Именно эта точка зрения характерна для современных украинских учебников. Например, в «Українській морфології» В.О. Горпинича категория вида определяется как «відношення дії, названої дієсловом, до внутрішнього обмеження (межі, рубіжа)» [3, с. 185].

Однако определение вида только под углом зрения совершенного и несовершенного вида, на наш взгляд, далеко не всегда достаточно. В этом мы видим одну из причин трудностей, которые возникают при определении сущности категории вида. Все это позволяет присоединиться к словам шведского профессора Нильса Б. Телин о том, что «аспектологи ходят по замкнутому кругу...», т.к. «сказанные не без горечи слова в большой степени справедливы» [7, с. 8].

Не вызывает сомнений тот факт, что содержание категории вида не может быть сведено только к противопоставлению значений совершенного и несовершенного вида.

Анализ языковых фактов в русле сосюрговской школы синхронного изучения языка в данном случае нельзя считать единственно приемлемым, т.к. при таком подходе игнорируются более древние оттенки, присущие глаголу, а именно оттенки степени длительности действия, на которые обращали внимания русские лингвисты.

По мнению Г.П.Мельникова, категория степени длительности в славянских языках, и в частности в русском, была забыта несправедливо. Причина этого заключается в том, что «до сих пор не изжиты слишком прямолинейные сосюрговские трактовки соотношения между синхронией и диахронией, весьма далеко уведшие современное языкознание от исходных бодуэновских представлений, в связи с чем возникают различные сложности» [13, с. 127]. По-видимому, здесь сыграло роль и мнение В.В.Виноградова о том, что «учение о видах глагола складывалось в гораздо большей степени под влиянием очень спорных сравнительно-исторических гипотез, чем на основе всестороннего конкретного изучения грамматической системы современного русского глагола» [2, с. 409].

Однако еще А.А. Потебня заметил: «Большинство писавших о видах, даже знавшие вообще, что единственное верное направление языкознания есть историческое и, в частности, что было время, когда в глаголе не было видов, смотрели на виды как на явления одновременные по происхождению и делили их, не спрашивая, что было прежде, что после, не заботясь даже о единстве оснований деления» [17, с.7].

Эти же опасения были высказаны лингвистами еще при обсуждении доклада С.И. Карцевского «Система русского глагола», прочитанного им на заседании Московской диалектологической комиссии 7 февраля 1918 года: «Возможно ли исключительно статическое рассмотрение языка какой-либо эпохи?». Возможно ли «живой язык уложить в рамки современности»? Рассуждая по этому поводу, Д.Н. Ушаков отметил, что «...это изучение (а именно опыт работы С.И. Карцевского. – Е.С.) касается только одного этапа в жизни русского языка и потому является статическим, которому противопоставляется изучение историческое, т.е. изучение взаимной связи различных этапов. Продуктивность исторического изучения находится в прямой зависимости от глубины статического освещения каждой эпохи» [9, с. 331]. В связи с этим ученый предлагал «разделить все изучение языка какой-либо эпохи на две рубрики: материал, который будет изучаться исключительно в статическом состоянии, и объяснения, в которые могут войти все исторические домыслы или кажущиеся таковыми» [9, с. 333].

Выводы. Таким образом, при анализе сущности категории вида необходимо учитывать не только значения совершенности и несовершенности, но и категорию степени длительности действия, т.к. в современном русском языке она остается живой, функционально нагруженной и существенно влияющей как на состав, значение и форму других глагольных и отглагольных категорий, так и на видовое значение в целом.

В связи с этим по отношению к русскому глаголу может и должен применяться принцип дополнительности, в соответствии с которым «объект в разных экспериментальных и теоретических системах целесообразно изучать с помощью различных категорий и понятий» [21, с.7]. Содержание категории вида не гомогенно, в нем объединяются разные оттенки значения, возникшие в языке на разных

стадиях развития его грамматического строя. Их интерпретация зависит от различного понимания лингвистами сущности грамматического значения и его границ.

Литература:

1. Аксаков К.С. О русских глаголах // Полн. собр. соч. – М., 1875. – Т.2. – Ч.1: Сочинения филологические.
2. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1972.
3. Горпинич В.О. Українська морфологія. – Дніпропетровськ: ДДУ, 2000.
4. Грамматика русского языка. Т. I. – М.: Изд-во АН СССР, 1960.
5. Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970.
6. Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. – М.: Языки русской культуры, 2000.
7. Золотова Г.А. Категория времени и вида с точки зрения текста // Вопросы языкознания. – 2002. – № 3. – С.8-29.
8. Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. – М.: Просвещение, 1983. – 399 с.
9. Карцевский С.И. Из лингвистического наследия. – М.: Языки русской культуры, 2000.
10. Краткий справочник по современному русскому языку. – М.: Высшая школа, 1991.
11. Лопатин В.В., Милославский И.Г., Шелякин М.А. Современный русский язык: Теоретический курс. – М.: Русский язык, 1989.
12. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. – М.: Высшая школа, 1987.
13. Мельников Г.П. Категория степени длительности глагольного действия и ее связь с категорией вида // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. В.И.Ломоносова. Том I. – 2-е изд. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. – С.122-139.
14. Некрасов Н.П. О значении форм русского глагола. – СПб., 1865.
15. Павский Г. Филологические наблюдения Протоиерея Г. Павского над составом русского языка. Рассуждение третье: О глаголе. – СПб.: Типография императорской Академии наук, 1850.
16. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – Изд. 6-е. – М.: Учпедгиз, 1938.
17. Потемня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. IV. Вып. II. Глагол. – М.: Просвещение, 1977.
18. Размусен Л.П. О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках // Журн. Мин-ва нар.просв. Отдел классич.филол. – 1891. – № 6. – Июнь-июль. – С.81-108.
19. Русская грамматика. – Л. – М.: Наука, 1980.
20. Словарь русского языка: В 4-х т. – М.: Русский язык, 1981-1984. – Т. I.
21. Соколов О.М. Основы имплицитной морфологии русского языка. – М.: Изд-во РУДН, 1997.
22. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977.
23. Тихонов А.Н. Русский глагол: Проблемы теории и лексикографирования. – М.: Academia, 1998.
24. Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык: Словообразование. Морфология. – М.: Просвещение, 1987.
25. Шелякин М.А. О спорных вопросах русской аспектологии // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им.М.В.Ломоносова. Том I. – 2-е изд. – М.: Изд-во Моск.ун-та, 2001. – С.210-219.